

Елена Сазанович, ▲

ДОСТОЕВСКИЙ В СТРАНЕ ДОСТОЕВСКОГО

11 НОЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 190 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА
МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

У

читесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь сделает остальное...» Эти строки принадлежат Федору Михайловичу Достоевскому. Это

его напутствие нам с вами. И сказал он это в те времена, когда издавались в основном только серьезные книги. Существовала серьезная культура. И серьезные люди. И жизнь делала свое благородное дело, в том числе и благодаря им. Вернее, в первую очередь благодаря им. А нам, таким несерьезным, читающим несерьезные книжки и потакающим несерьезной культурке, жизнь жестоко и справедливо мстит. Несерьезное время на всех. Несерьезная судьба на каждого. И очень серьезные проблемы на каждого и на всех. Так, может, стоит остановиться на подходе к пропасти? Ведь остановиться можно всегда. И повернуть можно всегда. И начать сначала. Даже за день до конца. Никогда не поздно начать с начала. Так, может, стоит попытаться начать с самого серьезного, самого сложного, самого трагичного. С Федора Михайловича Достоевского. И серьезное покажется легким. И сложное станет простым. И трагичное превратится в радостное. И откроется истина жизни. И истина смерти тоже. А значит – истина всеобщего счастья.

Не для одного, а для всех. Истина, которую всю жизнь так искал величайший русский писатель-гуманист, писатель-философ, писатель-психолог и, конечно, писатель-страдалец и сострадалец. Федор Михайлович Достоевский. Истина которую, возможно, он понял. А, возможно, даже нашел. Если такое вообще возможно...

Достоевские вышли из белорусской земли. Из белорусского Полесья. В 1506 году князь Пинский Федор Иванович Ярославич за заслуги жалует своему боярину Даниле Ивановичу "вечно и непорушно" несколько дворов в селе Достоево Поречской волости Пинского уезда Минской губернии. Белая Русь рождала спокойные чистые реки, где плавало много рыбы. Белая Русь рождала суровые непроходимые

пуши, где гибли враги. Белая Русь рождала вольных прекрасных зверей. Белая Русь всегда рождала людей совестливых, терпеливых, добрых и героичных... По тогдашней традиции потомки приняли фамилию Достоевские. А сам род Федора Михайловича соединил три близких славянских народа: Россию, где он прожил всю жизнь, Беларусь, откуда родом его предки, и Украину, где расселились его потомки.

А село Достоево, ставшее родовым гнездом Достоевских, сохранилось по сей день в Беларуси. Там стоит памятник великому писателю, считающийся одним из самых удачных. А возле памятника посажен желудь с того самого дуба в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга, который растет над могилой Достоевского... Жена Федора Михайловича Анна Григорьевна завещала рассеять желуди на родине предков мужа... И деревца от дубов, имеющих 500-летнюю историю, скоро зацветут на белорусской земле.

Как вечная память Федору Михайловичу. Как вечный поклон его непревзойденному таланту. Как вечное напоминание живым, что смерти нет...

Федор Михайлович родился в Москве, в семье врача, который в 1812 году во время наполеоновского нашествия служил в военных госпиталях. Затем работал в Мариинской больнице для бедных. И только в конце жизни скопил деньги на два имения под Москвой. Именно там юный Федор учился любить природу. Именно там он учился понимать русского мужика. И различать богатство вещей и богатство духа.

После окончания Главного инженерного училища Петербурге, будущий писатель работал в Инженерном департаменте. Но уже через год оставил службу, решив посвятить себя литературе после успешного перевода романа Бальзака "Евгения Гранде".

Первый роман Достоевского назывался "Бедные люди". Пожалуй, это незамысловатое название и определит всю глубину, весь смысл, всю трагичность его более чем замысловатых произведений в будущем. Роман стал приговором всей

России. Бедные люди. Бедные, нищие в буквальном смысле. Но для Достоевского важнее другое. Бедные духом. Бедные памятью. Бедные совестью... порядочностью... благородством... щедростью. Бедные идеями... Этот скорбный список можно продолжать бесконечно. Впрочем, для Достоевского ясно: бедны не бедные люди. По-настоящему бедны те, кто не сочувствует обездоленным и кто виноват в их обездоленности.

Бедные люди. Это и мы с вами тоже... И современной России тоже вынес приговор писатель. Мы все – бедные люди. И кто на Канарах, и кто в подвалах. Все... И в этом – весь Достоевский. Он считал, что каждый человек может стать богаче. Это возможно. Потому что богатство - в нас самих... Богатство в братстве. А не в рабстве.

«Новый Гоголь явился!» - так закричал Некрасов, вбегая с «Бедными людьми» к Белинскому. Ф.М. Достоевскому и Н.А. Некрасову тогда было по 20 с небольшим, В.Г. Белинскому – чуть более тридцати. Какие молодые люди! Какие серьезные молодые люди! Какая серьезная литература! И какая серьезная жизнь... И как они умели искренне радоваться успехам других. И помогать талантам. Это теперь кажется неправдоподобным.

Белинский очень высоко оценил роман Достоевского. И ввел его в круг "натуральной школы". И как закономерное продолжение - писатель стал вхож в революционное общество Петрашевского. Иначе и не могло случиться. Вся прогрессивная молодежь была заражена идеями социализма. Влияние Жорж Санд и французских социалистов-утопистов испытал на себе и Федор Михайлович. Социалисты были разные. Романтики, богоискатели, материалисты-практики. Федор Михайлович находился в пути духовных исканий. Но для настоящих социалистов незыблемым было одно. Борьба за совершенное справедливое общество. Борьба за совершенного справедливого человека. Вера в добро человеческой природы. Вера в Человека с большой буквы...

Это не просто политическая доктрина. Это философия, это этика и эстетика.

Это религия, это, в конце концов, образ жизни.

«Я уже в 1846-ом году был посвящен (Белинским), - писал Достоевский в Дневнике, - во всю "правду" грядущего "обновленного мира" и во всю "святость будущего коммунистического общества". Я страстно принял тогда все это учение...» Это был ранний социализм Достоевского. От социализма он никогда не отступится. Просто его поздний социализм примет иные формы, иное содержание, иную стилистику. Просто писатель разочаруется в некоторых носителях социалистических доктрин. Но люди не имеют отношения к совершенству идеи. Люди могут ошибаться, заблуждаться или сознательно исказить идею. Но идея остается совершенной, независимо от людей. И от нее Достоевский никогда не отречется. Да и разве он мог отречься от добра, веры в социальную справедливость, всечеловеческое и человеческое счастье, в духовное озарение человека.

Молодой социалист Достоевский принимает самое активное участие в революционных кружках. В том числе в попытке организации тайной типографии для печатания антиправительственной литературы и прокламаций... Революционная деятельность неизбежно закончилась арестом, заключением в Петропавловскую крепость и приговором к расстрелу.

Достоевский увидел лицо смерти. Точнее – ее безличие. В прямом смысле слова. Увидел. Ясным мирным морозным утром 22 декабря 1849 года. Когда его и других петрашевцев вывели на Семеновский плац в Петербурге. Помост был обтянут траурной материей. Торжественно зачитали смертный приговор. Натянули на заключенных предсмертные одежды - белые холщевые саваны с длинными рукавами. На головы натянули капюшоны. И привязали к столбам. Священник прочитал молитву. Петрашевцем завязали глаза. И навели ружья. Выдержали десятиминутную паузу, как в театре. Под барабанную дробь. И наконец объявили, что "милость царя" безгранична. И по его безграничной

ТИТ ▲ НЫ РОССИИ

милости расстрел заменен на каторгу... Какой спектакль! Хлопайте те, кто жаждет хлеба и зрелищ! Какой фарс!.. Но замысел испугать петрашевцев провалился. Как проваливался и хрупкий лед на Семеновском плаце.

Десять минут видеть смерть морозным ясным утром. С закрытыми глазами. Когда ничего не видно, кроме смерти. После этого можно стать не просто писателем. Достоевский уже им был. После этого можно стать таким глубинным писателем, что сколько не ныряй в глубины его подсознания, дна никогда не увидишь... Бездонное море человеческих слез, страданий, ужасов, горя, несправедливости. Бездонное море прощения человека. Которое почти всегда оправдано. И бездонное море надежды на Человека. Которое почти никогда не оправдано... Это и есть – бездонный талант Достоевского. Который никто никогда и нигде не превзошел. В таком маленьком мире. За столько больших веков.

А тогда, после "смерти", он и его товарищи равнодушно выслушали "помилование", как недавно "без малейшего раскаяния" выслушали смертный приговор. «В эти последние минуты то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, - представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое нам простится!» - написал позже Достоевский.

После этого изощренного издевательства, после этой изощренной смерти началось новое рождение не просто писателя, но великого мученика, страдальца за весь мир, страдальца всему человечеству.

Затем были Омский острог, каторжные работы, солдатская служба. Лишь после смерти Николая I его произвели в офицеры. Потом женитьба, переезд в Тверь и, наконец, Петербург. Журнальная деятельность вместе со своим старшим братом Михаилом. Издание прогрессивных журналов «Время» и «Эпоха». И, безусловно, написание Великих романов, обличающих царскую Россию, где можно только писать "Записки из

Мертвого дома". В которой "Униженные и оскорбленные" унижены и оскорблены до предела человеческого разума. Где каждый - "Игрок" в жизнь или смерть. Переживший "Преступление и наказание". Правда, чаще без наказания. Где в каждом живут "Бесы". И где "Братья Карамазовы" – наши соседи. И если только ты - "Идиот", то это не стыдно, это человечно и прекрасно. В России Достоевского. И не только... Просто в России...

Достоевский несколько противоречив, несколько хаотичен. И поэтому совершенно гармоничен. На первый взгляд его жизнь разделилась на две половины. До "смерти" (казни) и после. Но это лишь на первый взгляд... Свой ранний социализм он не отделял от веры в Бога. И свою позднюю веру в Бога он не отделял от высших идей социализма. По его же признанию, писателя всю жизнь мучил Бог. И человек тоже. Правду на земле он не отделял от правды Христа. Федор Михайлович был великим мучеником. Его "мучил Бог". Он мучил своих литературных персонажей. А его персонажи мучают нас по сей день. Лучших из нас, тех, кто еще читает его.

Достоевский всю жизнь спорил с собой. Мы и сегодня спорим с его литературными героями. Он, в конце жизни категорично отрицавший революцию, категорично считал, что революция необходима. В каждом из нас. Он всю жизнь боролся с Богом, чтобы в очередной раз убедиться, что Бог прав. Он не хотел прощать преступление и зло, и прощал его в своих великих творениях.

Он считал заповеди Христа священными. Священными он считал и заповеди земные. Он христианскую культуру считал священной так же, как и культуру мира, созданную руками, мозгом и опытом человека. Он умел сочетать – несочетаемое. Он умел соединить – несоединимое. В несочетаемом и несоединимом, возможно, и была его правда. И еще – вера и знание. Вера в то, что "красота спасет мир". И знание того, что "красота, это - страшная и ужасная вещь". В этом тоже был Достоевский. Хаотичный и гармоничный. Социалист. По вере. Поборник веры в Христа. По убеждениям.

Его спор с социал-демократами - не спор разочаровавшегося человека в идеалы. А спор человека, который не захотел их принять только потому, что эти идеалы зачастую оказывались разменной монетой в руках других. Совсем других... В руках тех, кто их был не достоин. Его роман "Бесы", наиболее спорный для сегодняшнего читателя, которого пытаются одурачить. И наиболее бесспорный для понимающего.

Еще недавно, во времена перестройки, когда общество по инерции и чисто формально называлось социалистическим, была грубо вброшена известная фраза: "Патриотизм - последнее прибежище негодяя". Ее нагло приписали Достоевскому, потом Льву Толстому, чтобы окончательно запутать. Чтобы пером русских классиков проткнуть идеи патриотизма. Что ж, еще один показатель нового времени - ложь и провокация в расчете безграмотность.

Эту фразу, как оказалось в итоге более поздних исследований, произнес англичанин доктор Самуэль Джонсон аж в 1775 году, имея ввиду "ложный патриотизм" (в оригинале: "Patriotism is the last refuge of a scoundrel"). Но погромщики нашей страны тут же вспомнили о гениальных писателях, расценив фразу в своих интересах, в оправдание развала страны и травли истинных патриотов. Потом были 90-е, когда ею легче всего можно было выстрелить. Стреляли и даже расстреляли... И неожиданно фраза выстрелила в них же самих.

Теперь никто об этой фразе и не заикается. Потому что она для всех понятна. Все как-то в один миг сообразили, каких патриотов имел в виду Достоевский и Толстой, каких негодяев и какое прибежище. Хотя вовсе и не они это написали. Это про тех, кто вчера стрелял. И про тех, которые стреляют по сей день. Даже если другими патронами... Все как-то в один миг поняли, что патриотом может стать самый последний негодяй, чтобы найти последнее прибежище... Даже если это метко и удачно сказал давным-давно англичанин... А "Бесы" - это уже совершенно точно не сэр Джонсон. Это Достоевский. И это благодатное поле для негодяевщины. Недаром этим романом до сих пор

спекулируют, им торгуют, его обменивают, закладывают и продают с процентами. Старухи и старики-процентщики. Мещане-обыватели. Нечистоплотные политики и безграмотные дельцы. Многие из которых роман даже не осилили. Так, слышали что-то одним ухом про бесов, которыми можно обозвать патриотов. Роман-то большой и больно сложный...

И уж тем более, мало кто знает историю создания "Бесов". То, например, что Достоевский взял за основу романа документальные факты "нечаевского дела", получившее широкую огласку в Санкт-Петербурге. Но теперь его никто не помнит, потому что не выгодно. В связи с Достоевским! А выгодно обзывать бесами неугодных политических противников, спекулируя именем великого писателя...

А сам Нечаев был авантюристом, анархистом и иезуитом. Главным лозунгом его программы был призыв о "всеобщем и повсеместном разрушении". Он состряпал "Катехизис революционера", где анархистские идеи соединил с тезисами устава Ордена иезуитов. Призвал к объединению с разбойниками и преступниками. Прикрываясь идеями равенства. Сознательно искажая эти идеи. Истинные революционеры-демократы его не признавали и презирали. Сдав своих соратников, Нечаев смылся за границу. Заграница его признала и приняла. Вообще, такие нечаевы весьма узнаваемы, они есть во все времена, есть и сейчас. Они громко и суетливо величают себя патриотами, не вылезая из зарубежья. Но причем тут идея?

Кстати, немец Карл Маркс еще в 70-х годах XIX столетия четко определил, что такое "бесы". Он четко и элегантно провел линию между мелкобуржуазным анархизмом Нечаева и Бакунина (назвав их программу "мещанским вульгарным казарменным коммунизмом") и глубоко продуманной программой настоящей революционной партии. Впрочем, Маркса тем более никто сейчас не читает... Но как без знания истории, политики, философии, культуры, эстетики и религии понять "Бесов"?!..

Тогдашняя революционная молодежь сразу заявила о талантливости романа

и категорично отказалась признать в персонажах хоть намеки на себя. Категорично отвергла причастность своей философии к философии персонажей "Бесов"... Многие, очень многие сразу поняли, кто такие бесы. Да и вообще - благородная идея не виновата, если ею пользуются нечистоплотные люди, извращая ее. Понятие «демократия» в нынешней России тоже извратили до полного неприятия, хотя изначально в нем заложен прекрасный смысл.

Зато господа из западной буржуазной "богеми", сочувствовали "бесам" и их союзникам. Их жизненной философии. Особенно в начале XX века. И заявляли об этом в открытую. Это и был знак, который наши сегодняшние господа не пожелали заметить. А жаль... Ведь им "Бесы" близки, как никому другому... Только бы они нашли в себе мужество осилить роман!

Кстати, о демократии и «Бесах». Только после Октябрьской революции была напечатана особая глава романа "У Тихона", запрещенная в царской России.

Да, Достоевский не принимал революцию. Хотя понимал всю глубину, всю самопожертвенность, всю пылкую идейность русской революционной молодежи. Ее способность на подвиг. И принимал революцию в отдельном человеке. Но он был бескомпромиссным писателем. Поэтому независимо от его "мирной" жизненной программы, программа его страстных, буйных романов объективно способствовала свершению революции. Потому независимо от примиренческой философии Достоевского, его непримиренческие романы объективно рождали новых революционеров.

И Великая Отечественная была выиграна тоже благодаря в том числе и Достоевскому. Потому что советские солдаты боролись не просто за жизнь. Но и за культуру. За достоинство Человека. О чем и мечтал великий писатель. И не только с книгой Николая Алексеевича Островского наши бойцы шли в бой. Но и с томиком Федора Михайловича Достоевского. Фашисты стреляли не только в наших солдат. Стреляли в русских писателей. И наши погибали и потому, чтобы

писатели и идеи жили вечно. Чтобы вечно жил Человек. Возможно ли это теперь? Если есть мы... Такие как есть... А мы, хоть и без Достоевского, есть. И даже наша страна есть. Без Достоевского. Но уже, увы, по Достоевскому. Когда-то мечталось, вот если бы великий писатель вернулся, как бы он удивился, увидев свою родину, как она изменилась... Увы, сегодня Достоевский бы не удивился... Достоевский просто оказался бы в стране Достоевского. Да, вместо экипажей - машины. Да, высотки. Да, метро. Да, самолеты. И компьютеры вместо пишущих машинок. И разговоры по сотовым. И телевизор, работающий беспробудно...

Но это все фон, декорации, камуфляж. А что внутри? В глубине? Много ли есть поводов для радости? В России по Достоевскому. В России, где по-прежнему бедные люди. Где такие же униженные и оскорбленные. И по-прежнему кружат бесы... Вон, Сонечка Мармеладова так же стоит на проспекте, торгуя собой, чтобы помочь семье. А ее отец погибает под колесами. Вон студент Раскольников мечтает прибить мерзкую старуху-процентщицу. Леша Карамазов пытается укрыться в стенах монастыря, чтобы спасти чистую душу в нечистом мире. А Иван Карамазов задумывает убийство отца ради денег. Вон продают и покупают Грушеньку, Настасью Филипповну. А вон Илюшечка Снегирев умирает от бедности. Вон, толпы бездомных с протянутой рукой. И юные наркоманы в подворотнях. Вон бесятся в ресторанах нувориши... И торгуют девочками... И насилюют девочек... И издеваются над бездомными животными на улицах. Да мало ли кто... И мало ли что... Все также как и при Достоевском. А возможно, гораздо, гораздо хуже. Потому что могло бы и не быть...

Сегодня из писателя делают ненавистника социалистического строя... Иногда возвеличивают его. Когда выгодно. Иногда представляют распутником, игроком, сумасшедшим. И свергают его с пьедестала. Когда выгодно... Банальный кнут и пряник... Хотя все же Достоевскому повезло больше других. Другим достался лишь кнут. Мы живем в смутное, темное

время диктатуры денег, абсолютного неравенства и превосходящего зла. В эпоху бездарностей и бездарных судеб. Даже не имея понятия, во имя чего. Не понимая даже какой строй строим. Возможно, все проще? Мы строим не страну имени Достоевского. А страну-достоевщину.

Книги не сжигают на площадях. Это и не нужно. Их уже не читают, классиков вычеркивают из образовательных программ, в том числе и программы жизни. Настоящее искусство лежит где-то на запыленной полке. Настоящее искусство занесено в черный список. Социалистический реализм просто вымаран. А ведь это целая эпоха! А мы живем в эпоху, которая по-прежнему называется демократией. Что ж, впору вновь написать "Бесов".

Сегодня побеждают самые худшие. Во всех сферах. Они наверху. А скоро основное общество может состоять просто из худших и никаких. Как это общество будет называться? Как может называться общество, которое живет по формуле - чтобы победило зло, нужно уничтожить добро? Давайте спросим у Достоевского. Он не совет, ответит.

Без преемственности культуры нет самого понятия культуры. Без высокого уровня культуры само понятие культура теряет смысл и заменяется бескультурьем. Ни в одно время не были так безжалостно, нагло и лукаво выброшены классики. Но до сих пор не угомонятся, до сих пор припоминают, что большевики хотели сбросить с корабля современности Пушкина и других великих. Так честно скажите, глядя в глаза народу и особенно молодежи: сбросили? Хоть одного!

Или все же хотели человека с большой буквы. Человека! Нас теперь с осторожностью можно назвать маленькими человеками. Может быть, человечками. Человеком нас называли Пушкин, Лермонтов, Толстой, Маяковский, Блок, Горький! И Островский, и Шолохов, и Леонов и... Смелые и серьезные люди. Вычеркнутые сегодня из литературы. Из истории. Из нашей жизни. В самую что ни на есть демократию! Где нет места цензуре. Может быть, они вычеркнуты потому, что когда-то

пытались нас назвать с большой буквы? Не человеками. А Человеком! Смелые и серьезные люди! Но мы тут оказались ни при чем... Мы ведь согласились, что они вычеркнуты.

И что нам осталось от них? Казино "Достоевский"? Ресторан "Достоевский"? Отель "Достоевский"? Лото и облигации "Достоевский"? Это когда-то Пушкина, Грибоедова, Достоевского, Маяковского тщательно, глубоко, умно изучали в школах и институтах. Советская власть подготовила такую мощную программу культурного образования, которую не знала (возможно, и не узнает) ни одна страна! Никого не сбросили с корабля современности. Даже тех, кто с властью не всегда соглашался. Даже тех, кто над властью подтрунивал и иронизировал. Даже тех, кто эмигрировал. Даже тех, кто был малопонятен массам. Даже тех, кого расстреляли... Всех помнили, и всех изучали. И всем направлениям в литературе находили место. И акмеистам, и футуристам, и авангардистам, и символистам, и экзистенциалистам... А кого теперь изучают, если не секрет? Секрет... Это вы, господа, всех грубо вытолкнули с кораблика демократии и умыли руки в луже! А кораблик оказался бумажный и пошел ко дну. Это вы, господа, уровень образования довели до интернетовского плинтуса. Где культура подается на уровне скамеечных сплетен.

У каждого гения есть свой Сальери. Даже если он рождается уже после гения. Он не прощает талант даже мертвому. Потому что для гения смерти нет... Иногда кажется, что сегодня мир состоит в основном из сальери. Или наша страна стала одним маленьким сальери для всех больших классиков?

Вообще у нас несерьезная жизнь. Так... Работка, литературка, киношка, музыка. Культурка. Жизнишка. Судьбишка... Нам живется невесело. Поэтому смотрим, читаем, слушаем веселое. Думая, что от этого станет легче. Легче не становится. Деятели культуры себя щадят, не затрагивая серьезного. Зрители и читатели себя щадят не менее, отодвигая в сторону серьезное. Но легче не становится.

ТИТ ▲ НЫ РОССИИ

Федор Михайлович Достоевский себя не жалел и не щадил. Его родине было плохо – и ему было плохо тоже. И он об этом писал. Чтобы стало лучше. И становилось... Мы же боимся. Мы трусим. И потому проигрываем. Мы не хотим соединить жизнь и искусство. И поэтому проигрываем. Поэтому проигрывает и жизнь, и искусство. Мы становимся бесчувственными в бесчувственном мире. Маленькие человечки без чувств. С животными инстинктами. Мы становимся людьми одной породы...

Достоевский не был западником. Не был славянофилом. Он считал этот спор надуманным, хоть и неизбежным. Он и русскость понимал по-особенному. Русский человек - это не Россия. Это весь мир, точнее - вся Вселенная. Поэтому мы и отличаемся. Поэтому мы всегда думали больше о других, чем о себе. И сражались больше за других, чем за себя. И умирали за других. Не за себя. Мы за весь мир несли ответственность.

«Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского — интеллигентного общества, то всё равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится...» (Из речи Ф.М. Достоевского об А.С. Пушкине).

Может быть, в том числе и поэтому Достоевский до сих пор самый читаемый и самый издаваемый писатель в мире. Мировой писатель! Самые разные известные люди мира не раз называли и называют его своим Учителем. Похоже, он не учитель только для нас. Или мы просто оказались плохими учениками? Хотя родился он в нашей стране. У них могли родиться Моцарт и Шопен,

Байрон и Бальзак, Ван Гог и Пикассо. Как они могли родиться и у нас тоже. Но у них никогда, никогда не мог родиться Достоевский. Это исключено. Это только и только наше. И здесь тоже наша русскость. Жаль, что мы этого не понимаем.

Достоевский не писал, а мыслил вслух. И повтор фраз, и отрывочность предложений, и запутанность абзацев. Поток, лавина, потоп сознания. И бунт слов. И буйство мыслей. И хаос чувств. И страстность духа. И пугающее откровение. И философия логичного безумства. И безумная логика идей. Слово погружаешь в лабиринт чужих мыслей, долго блуждаешь в них, пока не понимаешь, что эти мысли и твои тоже. А, возможно, только твои. Исключительно. И каждый, абсолютно каждый из нас, прочитав гениального Достоевского, хоть однажды, хоть на время, но может почувствовать себя исключительным человеком. Даже гением. Не в этом ли тайна писателя Достоевского?

Нас, кто его читает, все меньше и меньше. Нас, конечно, не отстреливают. Но духовный отстрел идет. И нам даже не зачитают, что мы помилованы. Когда мы будем стоять с повязками на глазах. Когда на нас будут наведены ружья. В мирное зимнее ясное утро. На Семеновском плаце. Возможно, тех, кто читает Достоевского, и не только, скоро назовут исключительными. Возможно, даже появится новый термин. Гениальный читатель. Когда писателей серьезных уже не будет. И когда перестанут читать.

И все равно, читайте Достоевского, читайте... Читайте и изучайте серьезную литературу серьезных писателей. И наших станет больше. А жизнь сделает остальное... Достоевский был определенно прав. В определенные времена революция возможна только в себе. И нужна смелость ее совершить. Огромная смелость. В некоторой степени – даже насилие над собой. Насильственное свержение себя. Власть собственной бездуховности, лени, апатии, трусости, жадности, подлости. А там уж, как Бог даст... Почти по Достоевскому. В стране имени Достоевского. ▲